

Джек Лондон

Гиперборейский напиток

*Часть сборника
Мужская верность (сборник)*

Джек Лондон

Гиперборейский напиток

«ЭКСМО»

1900

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лондон Д.

Гиперборейский напиток / Д. Лондон — «Эксмо», 1900

Рассказ о похождениях делового белого человека среди некоего народца, жившего на берегу Северного Ледовитого океана.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Лондон Д., 1900
© Эксмо, 1900

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Джек Лондон

Гиперборейский напиток¹

Рассказ о похождениях делового белого человека среди некоего народа, жившего на берегу Северного Ледовитого океана

Перевод М. Чехова

Правдивость Томаса Стивенса была неопределенной математической величиной x , а его воображение равнялось воображению среднего человека, возведенному в энную степень; но, во всяком случае, совершенно несомненно одно: никогда не сказал он ничего, что можно было бы назвать явной ложью. Он, быть может, играл с понятием вероятности или же доходил в своих рассказах до крайнего предела возможностей, но никогда в его повествованиях не бывало случая, чтобы все затейливое здание рассказа вдруг треснуло и провалилось. Ни одна душа не станет отрицать, что он знал Север как свои пять пальцев. Многие свидетели могут подтвердить, что он был действительно выдающимся путешественником и собственными ногами прошел неисследованные пустыни. Что касается моих личных сведений о нем, то я могу сказать, что знаком с людьми, которые видели его везде, а главным образом около самых крайних пределов той страны, которая носит название «Неведомого». Например, Джонсон, бывший курьер Компании Гудзонова залива, однажды дал ему приют у себя в одной из факторий Лабрадора, пока не отдохнули собаки и Стивенс не уехал дальше. Затем Мак-Мэхон, агент Аляскинской Коммерческой компании, встретился с ним как-то в Порт-Голланде и позднее – на самых дальних островах Алеутского архипелага. Было неоспоримо, что он участвовал в одной из самых ранних геодезических экспедиций правительства Соединенных Штатов, и история определенно указывает на то, что он работал и для Восточного Союза, когда этот последний пытался провести свою телеграфную линию в Европу через Аляску и Сибирь. Наконец, среди свидетелей его путешествий был еще и некий Джо Ламсон, капитан китобойного судна, которое, будучи затерто льдами у устья реки Маккензи, вдруг неожиданно приняло к себе на борт Стивенса, пришедшего к капитану за табаком.

Вот эта последняя черточка и доказывает неопровержимо, что приходил действительно Томас Стивенс, а не кто-либо иной. Его потребность в табаке никогда не прекращалась и не ослабевала. Еще до нашего близкого знакомства с ним я научился приветствовать его одной рукой, а другой протягивать ему кисет с табаком. Но в ту ночь, когда я встретился с ним в кабачке Джона О’Брайена в Доусоне, он уже так накурился пятидесятицентовых сигар, что вместо кисета попросил у меня кошелек с золотым песком. В это время мы с ним стояли у игорного стола, и он тотчас же поставил самую большую ставку.

– Пятьдесят, – сказал он.

Банкомет в знак согласия кивнул. Карта выиграла, он передал мне мой же собственный кошелек, потребовал расчета и потянул меня к кассе, где кассир небрежно отсыпал ему пятьдесят долларов золотым песком.

– А теперь выпьем, – сказал он.

И потом у стойки, поставив стакан, продолжал:

– Этот напиток мне почему-то напомнил сейчас одну хмельную штуку, которую я когда-то пил в Таттарате. Нет, нет, вы этого места не знаете! Его нет даже на картах. Но оно все-таки существует у Ледовитого океана. Там живет около пятисот забытых богом душ, которые женятся, выходят замуж и время от времени умирают. Все исследователи как-то проглядели их, и на карте 1890 года вы не найдете даже следов этого местечка. Однажды там затерло во льдах китобойное судно, и его команда, выбравшись на берег по льду, двинулась дальше в южном направлении и исчезла бесследно, никто никогда о ней не слышал больше... А хороший тогда у нас с Мусу был напиток, – прибавил он немного спустя, слегка вздохнув.

Я сразу же понял, что за этим вздохом таились великие дела и смелые приключения. Поэтому я увлек его в уголок между рулеткой и игорным столом и стал ожидать, когда оттаит у него язык.

– У меня было только одно возражение против Мусу, – начал он, задумчиво покачивая головой, – одно-единственное. Мусу – это индеец, живший где-то далеко на Чиппеване. Но вся беда в том, что он любил болтать насчет Священного Писания. Одну зиму он жил с бродягой, канадским французом, который в свое время готовился в священники, и потому голова Мусу была забита разными чудесами, диспутами, разрешениями грехов и еще всякой всячиной, которой он и сам не понимал. Если бы не это, он был бы отличным парнем, весьма полезным и в пути, и у костра.

Тяжеленько нам пришлось тогда, и измучились мы порядком, когда натолкнулись на этот самый Таттарат! Во время густого тумана, при переправе через трещину, образовавшуюся во льду, мы потеряли всю нашу упряжь и всех собак и явились с подтянутыми животами. Одежда на нас превратилась в клочья. В таком виде мы доползли кое-как до становища. Особенно нам там не удивились, потому что у всех еще были на памяти китобои, и нам предоставили для жилья самую гнусную юрту во всем становище, а для того чтобы мы не умерли с голоду, дали гниющие отбросы. Но что меня больше всего поразило, так это то, что жители совершенно не общались с нами. Но Мусу объяснил мне, в чем дело.

– Их шаман – *сик-тумтум*, – сказал он. Это значит, что шаман у них то же, что знахарь-колдун. Он из зависти приказал своему народу не иметь с нами никаких сношений. Из того немногого, чему он был свидетелем у проходивших мимо китобоев, он понял, что наша раса и умнее, и сильнее его народа. Ну, он и стал действовать так, как подобало шаману.

И еще раньше, чем я доскажу вам всю эту историю, вы убедитесь, что мой индеец был прав.

– У этого народа есть закон, – сказал Мусу, – который гласит: «Кто ест мясо, тот должен охотиться». О, хозяин! Попались мы с тобою в ловушку к этому племени! Эти люди хотят, чтобы мы так же, как и они, умели натягивать лук и бросать копье, а мы этого не умеем. Поэтому шаман и вождь их племени Туммазук положили в сердце своем и решили в умах своих, что мы должны работать на них вместе с бабами, таскать на своих плечах убитых зверей и прислуживать их охотникам.

– И это очень несправедливо, – ответил я, – мы с тобой лучшие люди, чем эти, блуждающие в темноте. К тому же мы должны еще отдохнуть и хорошенько подкрепиться: путь наш на юг долог, а слабые идти не могут.

– Но у нас нет ничего, – возразил он, оглядываясь на прогнившие стропила нашей юрты и с отвращением нюхая воздух, отравленный тухлым тюленьим мясом. – На такой еде далеко не уедешь. У нас ничего нет, кроме этой бутылки «напитка, убивающего горести». Поневоле придется покориться и превратиться в дровосеков и водоносов. Но и в таком грязном месте, как это, все-таки могут найтись хорошие вещи. Только они не для нас. О, хозяин, никогда еще мой нос не обманывал меня; он и на этот раз привел меня к запасам, спрятанным в их юртах в меховых мешках. Это запасы несчастных китобоев, и они достались немногим! Так, у женщины Инсукук, которая живет в конце становища, рядом с хижиной вождя, много сахара и муки и даже паточки, как мне сказали мои глаза: лицо женщины было измазано паточкой. А в юрте у вождя Туммазука я видел чай. Я собственными глазами видел, как этот старый боров, причмокивая, пил его. А у шамана целый ящик кое-чего с этикеткой «звездочка» и два ящика превосходного табаку. А у нас что? Ничего! Ровно ничего!

Я был подавлен сообщением о табаке шамана и ничего не ответил.

Тогда Мусу, видимо, одушевленный каким-то желанием, нарушил молчание:

– И еще есть там Тукеликета, дочь храброго охотника и богатого человека. Подходящая девушка. Да, действительно очень хорошая девушка!

В ту же ночь, пока Мусу храпел, я усиленно обдумывал положение, для меня была невыносима мысль о том, что вблизи есть табак и я не могу его выкурить. Мусу сказал правду: у нас действительно ничего не было. Но наутро я принял решение и сказал Мусу:

– Выйди за становище и достань мне какую-нибудь кость, пустую внутри и искривленную наподобие гусяной шеи. Иди с самым беззаботным видом, но зорко смотри во все горшки, кастрюли и прочие кухонные принадлежности, которые подвернутся тебе по пути. Помни одно, что я обладаю великой мудростью белого человека, и делай то, что я сказал тебе, быстро и уверенно.

Пока он ходил, я поставил на середину юрты лампу, которая служила нам для приготовления пищи и которую мы наливали китовым жиром. Потом я отшвырнул в сторону истертые меха, служившие нам постелью. Я разобрал ружье Мусу, отложил в сторону ствол, но так, чтобы он был у меня под рукой, и стал вить из дикой конопля, которую женщины собирают в летнюю пору, длинный фитиль. Скоро вернулся Мусу с такой костью, как я ему приказал, и с известием, что в юрте у Туммазука имеется полупудовый бидон из-под керосина и большой медный чайник. Я его похвалил за это и сказал, что теперь еще не время. Когда же приблизилась ночь, я обратился к нему:

– У этого вождя Туммазука имеются медный чайник и керосиновый бидон.

Тут я вложил ему в руку гладко отшлифованный морским прибором булыжник.

– Становище притихло, – продолжал я, – и звезды мерцают. Пойди тихонько влезь в юрту к вождю и изо всех сил ударь его этим камнем по животу. И пусть мясо и добрая еда грядущих дней вложат силы в твою десницу! Поднимутся рев и крики, и сбежится все становище. Но ты не бойся. Спрячься в темном углу юрты. А когда приблизится к тебе женщина по имени Инсукук, та, что обмазала себе лицо патокой, то ударь также и ее. Не забудь ударить и всех тех, у кого есть мука и кто подвернется тебе под руку. А потом закричи во весь голос, точно от боли, и скажи, что и тебя кто-то ударил камнем по животу. Таким образом мы достигнем славы и великих богатств и получим ящик с этикеткой «звездочка» и табак первого сорта и твою Тукеликету, которая действительно самая подходящая для тебя девица.

Он отправился выполнять это поручение, а я терпеливо ожидал его возвращения в своем хлеву, и табак стал представляться мне близким и доступным. Среди ночи вдруг раздался крик, перешедший затем в бешеный рев, от которого, казалось, могли бы прийти в содрогание небеса. Я схватил бутылку с «напитком, убивающим горести» и выбежал из юрты. Слышался невероятный шум, женщины стонали и вопили, Туммазук и женщина Инсукук катались по земле от боли, и с ними были еще и некоторые другие, в том числе и Мусу. Я отшвырнул в сторону тех, кто валялся у меня под ногами, и приставил горлышко бутылки к губам Мусу. Он тотчас же почувствовал облегчение и перестал кричать от боли. После этого и все остальные, получившие удар камнем по животу, с громкими воплями обратились ко мне с мольбами о бутылке. Но я произнес им речь и, прежде чем они попробовали виски, уже успел отнять у Туммазука его медный чайник и керосиновый бидон, у женщины Инсукук – ее сахар и патоку, а у остальных страдальцев – достаточное количество муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.